

«ТАЙНА СЯ
ВЕЛИКА...»

ЧУВСТВЕННОСТЬ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА И ДИНАМИКА

© 2015

В.И. Красиков

**Красиков
Владимир
Иванович** —

доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии, литературы ГИТИСа. В журнале “Человек” опубликовал статью “Онтология застоя” (2015. № 1).
E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Любовь в общепринятом понимании — скорее всего, прекрасная, сладкая иллюзия, выражающая мирочувствование женщины. Очарование, головокружение от недоступности или романтики чувственности в отношениях между полами и есть “денотат” любви. Ситуация любви не экзистенциальна, в своей глубинной основе она *антропологична*, ибо здесь взаимодействуют два не эквивалентных друг другу, а отличных по интенциям пола, *половой конституции* сознания. Конечно, это несколько режет слух (казалось бы, уместнее было бы говорить о бремени тела, пола в поведении). Однако речь идет именно о разных половых конституциях сознания, производных от разных антропологических функций их носителей.

Сказанное вовсе не исключает возможность оценочных сравнений. В интеллектуальном, социальном и прочих измерениях несомненно наличествует *эквивалентность* мужского и женского сознаний. Но таковой просто не может быть, когда рассматривается половой аспект их взаимодействия. Под “половым взаимодействием”, или “чувственностью” в данном случае понимается предельно широкий спектр отношений между полами, где секс занимает небольшую его часть. Причем более точным термином для обозначения широты охвата возможных форм общения между полами мы полагаем именно *чувственность* в силу его достаточно нейтрального значения (в отличие, к примеру, от “половой любви” или “полового взаимодействия”, которые в смысловом отношении слишком привязаны к своему биологическому экстремуму, сексу). Секс же — лишь одна из форм чувственности, правда это фокусированная чувственность, максимизированная в генитальных ощущениях.

В широком смысле слова чувственность — это и физически-контактные, и эстетические, и душевные (эмоции), и мыслительные (фантазии, оценки, проекции) чувства, объединяемые половым влечением. Разница антропологических

функций полов проявляется не только в физиологии и психике. Она так же, как и другие детерминанты, порождает особые конститутивные особенности сознания. Правда, не на рациональном, “самоотчетном” уровне, а скорее на уровне *мирочувствования* — общих устремленностей, поведенческих стратегий, интуиций, носящих, как правило, малоотчетливый характер.

Иными словами, мужчина и женщина по-разному воспринимают противоположный пол, равно как и чувствуют себя в строе мироздания. И это обусловлено их разными антропологическими функциями в осуществлении видового бытия *Homo sapiens*. Причем чисто биологические предопределенности вызывают социокультурные воплощения и духовные репрезентации (в искусстве, морали, философии). Мы, однако, ограничимся поисками ответов только на один вопрос: в чем заключается специфика полового мирочувствования и как она представлена в динамике отношений мужчины и женщины?

Если абстрагироваться от социального, ментального, духовного наполнения мужской активности и сознательно ограничиться выявлением ее биологически-репродуктивного смысла, то станет очевидным, что основной функцией мужской активности является оплодотворение как можно большего числа женщин и тем самым закрепление себя в роде. Репродуктивному успеху отдельного мужчины препятствует многое: конкуренция других мужчин, ограниченность половой силы, социокультурные барьеры. Сама функция мужского начала, заключающаяся в категоричности веления воплощения этого вот, всегда единичного и особенного набора генов в потомстве, определяет основы мужского полового мирочувствования — *мирочувствования воплощения*. Это и предопределяет главные качества мужчины: динамичность, агрессивность и себялюбие.

Мужчина телесно самозамкнут (не имеет своего непосредственного телесного продолжения), не в силах самоудвоиться, в отличие от женщины, которая абсолютно достоверно для себя самодублируется, оставляя себе замену, себя-в-ребенке. Мужчина же только *знает*, и то часто гипотетически, о своей роли в размножении. Отсюда активный и неутомимый поиск мужчиной соития, замещающий ему женское природное чувство продолжения своего тела в другом. Способность внесения семени замещает ему дар выращивания своего продолжения, себя в новом существе, присущий женщине. Это несопоставимые по богатству чувств и метафизическому значению процессы.

Потому мужчина всегда биологически ущербен. Над ним постоянно висит дамоклов меч априорного знания о малой вероятности оплодотворения, сохранности в дальнейших кровнородственных линиях именно его индивидуальной самости.

The Mysteries of Paradise (Тайны рая). Рисунок из книги: *Medicine From The Earth* by Emile M. Bühler. N.Y., 1978. URL: <http://www.inside-mystery.org/paradise.html>

Социальность и самосознание становятся его сублимированными формами воплощения. Гипертрофированные это, самосознание — ярко выраженные мужские свойства (кстати, упорно навязываемые в качестве главных всему мужскому роду мужчинами-философами). Озабоченность самореализацией у мужчины берет начало от полового чувства эфемерности, биологической неукорененности, собственной эпизодичности в родовом расписании *Homo sapiens*. Неутомимый поиск бессмертия — также очень “мужской” мотив. Нам не известны примеры женских поисков бессмертия. Зачем это женщине? Она и так физически бессмертна.

Сколько бы мы ни говорили о сублимированных формах мужских воплощений, все же базовым было и остается плотское. Оно же и архетип мужского активизма. Воплотить (воплотить) себя означает и воспроизвести себя в плоти детей, равно как и для этого войти в плоть женщины. Мужской активизм своей сутью имеет вторжение самости, или всегда индивидуализированного, неповторимого, но и преходящего начала — в виде фаллоса-гена — в непрерывность биологического безличия. Причем требуются постоянное поддержание напора или упорство, многократное повторение, всегда переходящее в агрессию и насилие.

Стремление к совокуплению у мужчины столь сильно, что “в идеале” он желает обладать всеми функционально и эстетически приемлемыми особями другого пола. Единично распорядиться всеми женщинами в качестве суверена, быть для

всех них “единственным”. Приближение к этой подспудной мужской мечте — половая практика восточных владык с их гаремами. Вместе с тем само биологическое исполнение мужчины всегда препятствует сколь-нибудь стабильно-действенной (а не эпизодической) реализации безмерных сексуальных appetитов. Мужчина должен ограничиться, остановиться, успокоиться, принять все как есть. Подобное противоречие хотя и вытеснено культурой и рассудком на задворки сознания, но постоянно является источником спектра мужского полового мироощущения — *себялюбия, идеализма и рационализма*. Причем в мужчине этот спектр представлен полностью, разве что у каждого с разными акцентуациями отдельных фрагментов и тонов.

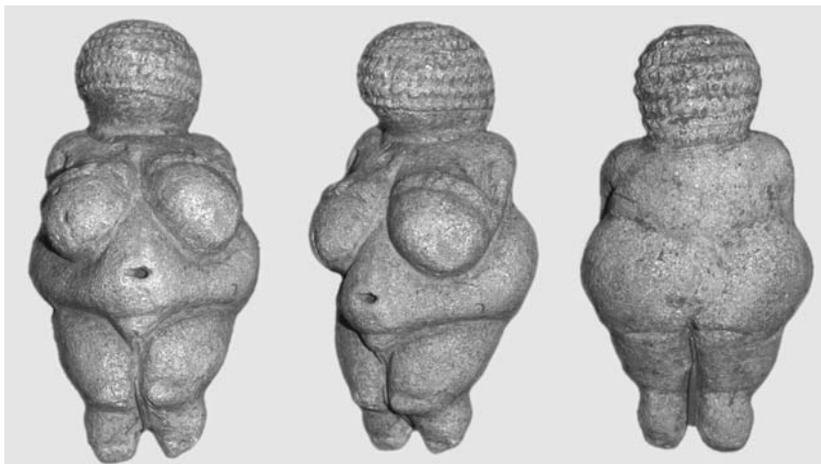
Мужское *уникализирующее* себялюбие имеет именно антропологически-половое объяснение. Инстинкт самосохранения анонимен, его цель — сохранение базовой единицы репродукции рода, женского тела. Интуиция своей родовой эфемерности вызывает мужской антропологический бунт, мощный и страстный импульс к уникализации своего бытия в других формах. Последнее становится возможным благодаря формированию себялюбия — целого комплекса смутных чувствований, выражающих специфику пола в потоке людского существования. Это чувства неукорененности, неприкаянности, эпизодичности своей жизни между рождением и смертью, обиды на подобную несправедливость и жажда идеалистического вселенского переустройства. Отсюда острая жалость и любовь к себе.

Неуверенность, постоянное гнетущее беспокойство компенсируются *вовне* актами постоянно возобновляемого отчаянного активизма, бессмысленного бунта. Мужчина зачастую любит и живет ради своих воплощений, нежели любит и бережет непосредственно свое тело и жизнь. Он природный идеалист, подчас создающий вместо житейских реалий свою реальность, в которой мог бы получить вожеленное воплощение, столь же основательное, как и то, что получает женщина уже самой принадлежностью своему полу.

Потому и главное отличие мужского себялюбия, искусственного по своей природе, от естественного инстинкта самосохранения заключается в том, что оно всегда направлено *вовне*. Другими словами, мужчина любит не непосредственно себя — такого, каков он есть в действительности, а скорее свои воплощения — своей активности, своего духа, своей неповторимости. Он любит себя-значительного, прошедшего сертификацию во внешних, то есть результирующих следах. Причем “вовне” всегда означает объективирование — телесное, вещное или духовное. То же и в отношениях с противоположным полом. Мужская любовь, если она имеет место и это не просто призыв к совокуплению, есть *любовь к своему следу, следу себя в другом человеке*. Такой след чуть ли не сверхъестественным

«ТАЙНА СИЯ
ВЕЛИКА...»

Венера Виллендорфская. Статуэтка женской фигуры, обнаруженная в одном из древних захоронений близ местечка Виллендорф в Вахау, поселке коммуны Агсбах (Австрия) археологом Й. Сомбати 7 августа 1908 года. Вместе с Венерой Гальгенбергской экспонируется в венском Музее естествознания

образом чувствуется, распознается мужской интуицией. След влияния, основательности запечатления в психической структуре женщины образа этого вот мужчины. Мужчина по-настоящему любит женщину за ее любовь к нему, любит себя-в-другом — оцененного, взвешенного и найденного значительным, самым главным и неповторимым.

На самом деле, в мужской чувственности есть и плотская, и духовная составляющие. Несомненно, многое для мужчины значит физическое влечение, стремление к соитию именно с этой вот женщиной (или этими вот женщинами). Без этой первой и главной компоненты просто не может быть нормальной мужской чувственности. Но далее активизируется вторая, не менее действенная компонента — духовно-психологическая. Она и обеспечивает прочность и долгосрочность отношений между мужчиной и женщиной. Это высокая внутренняя оценка женщиной уникальности своего партнера. Именно женщина порождает любовь и “инфицирует” ею мужчину.

Однако мужчина — неисправимо ориентированное *вовне* существо — любит только себя-в-чем-то и потому в отношениях половой чувственности всерьез душевно захватывается только искренностью восхищения со стороны физически привлекательного партнера. Тогда-то и возникает благодетельный, постоянно искомый и, увы, не так часто встречающийся союз плоти и душ. Причем всегда все в конечном счете зависит от женщины. Она и возжигает собственно любовь как уникализирующее отношение, ибо лишь одна способна сертифицировать мужскую неповторимость, обращать мужское самолюбие на саму себя, принимать в себя мужчину не только физически,

но и душевно. И только так женщина обращает мужское себялюбие в любовь к ней.

Мужской идеализм, в отличие от женского, тесно связан с другими имманентно мужскими качествами — активизмом и себялюбием. Экстремум активизма и себялюбия находит проявление в экстремуме идеализма — трансцендировании. Последнее имеет своим глубинным антропологическим основанием интуицию о ничтожности человеческого существования, эфемерности и малости отдельного, индивидуального. Трансцендирование, или порыв выхода за пределы конечного, предначертанного, установленного — очень мужское свойство. Данный порыв имманентен именно мужчине как аутсайдеру родового бытия, чья биологическая ущербность постоянно актуализирует настроение неудовлетворенности и неустроенности, толкающее к попыткам взлома онтологических границ, отмены несправедливости мирового порядка и создания своего мира. И напротив, органичны, естественны консерватизм и конформизм женского мироощущения. Если женское сознание серьезно не трансформировано влиянием эксцессов современного социокультурного процесса (феминизм), то оно спокойно следует по пути своего полового Дао. Его стабильность, невозмутимость, внутренняя уравновешенность и великая цель недоступны пониманию несчастных и “разорванных” существ противоположного пола.

Мужское трансцендирующее устремление в сфере чувственности находит свое выражение в образе *единственной*. В трансценденции “единственной” одновременно присутствуют и отрицание старого полового расклада, и соответствующая метафизикация себялюбия. Причем оба момента теснейшим образом взаимосвязаны и экстремализованы в идеалистическом типе мужчины — с более живым воображением, обостренной, не прагматически ориентированной интуицией. Отрицание прежнего полового расклада заключается в отказе от естественного полового индифферентизма (все женщины в принципе эквивалентны в отношении как воспроизводства потомства,

Персей с головой Медузы. Бронзовая статуя итальянского скульптора Бенвенуто Челлини. 1545–1554

так и наслаждения) и формировании идеалистической веры в особую предначертанность себя и своей избранницы. Уникализация себя достигает здесь метафизических размеров, требуя воплощения не в “категории” физически подходящих женщин, а только в одной, чей адрес субъективно случаен и произволен. И часто для самой избранницы это тяжелый случай. Однако именно такие, по существу метафизические садисты, половые деспоты, безуспешно стремящиеся навязать свою беспримерную уникальность избранницам, зачастую и создают великие, трогательные и трагические образы людской любви. Они возносят ее на пьедестал духа, устранивая завалы пошлости и вульгарности.

Здесь очевиден парадокс: экстремализация себялюбия переводит его в характерное чувствование противоположного пола — собственно любовь. Потому, вероятно, подобные страдальцы всегда вызывают всеобщее умиление женщин (во многих случаях кроме самой избранницы, на которую нежданно-негаданно обрушивается сей роковой выбор). Трансценденцию “единственной” можно рассматривать и как идеализацию-компенсацию активистского индивидуального сознания своему телу, органически стремящемуся к обладанию всем противоположным полом в качестве единственного суверена.

В основе женского мирочувствования лежит репродукция — воспроизводство новой жизни. Женщина — фаворит рода, что прямо противоположно библейскому смыслу приоритета мужского активизма, семени. Женщина — базовое существо рода, над совершенствованием конструкции которого природа изрядно потрудились. Это существо биологически сложнее мужчины уже потому, что в нем формируется новая человеческая жизнь и зажигается искорка нового сознания. Самодостаточность женщины производна от фундаментальности ее положения в антропологическом раскладе. Смысл жизни женщины предопределен ее детородной функцией даже в том случае, если ей не довелось рожать. Женщине не надо беспокоиться, метаться, искать зацепки за бытие, воплощения в более долговечные, чем собственная плоть, формы вещественности или объективирования духа. Продолжение ей гарантировано.

Герметизм женского мирочувствования определяем совершенно иной ориентацией активности пола, которую предрасудок ошибочно принимает за пассивность. Известная традиционная пассивность классического положения женщины в сексуальном акте часто экстраполируется и на общую характеристику ее существования, и на ее отношение к миру. Конечно же, это историческое заблуждение.

Женская активность не расточительна. Большие энергозатраты она себе позволить просто не может, поскольку те необходимы для реализации высшего антропологического

Питер Пауль
Рубенс. Самсон
и Далила. Ок. 1609

смысла ее бытия. Причем по своему внутреннему энергетическому потенциалу женская активность неизмеримо выше мужской потому, что она предназначена обеспечивать *воспроизводство другого (своего ребенка) в себе*. Женщина также органически не способна феерически-бездумно разбрасывать свои силы и энергию, распоряжаться своей жизнью, как то делает мужчина: “моя жизнь, что хочу, то и делаю, тем более что жизнь дается только раз” — и мужчине действительно она дается только раз. У женщины жизнь не одна, ей дается потенциально еще несколько жизней — ее детей. Сама же она, переживая их начало в себе, каждый раз переживает новое рождение и себя. Не говоря уже о том, что плоть женщины продолжает жить потом и в детях. Воистину бессмертное существо.

Активность женщины *самозамыкается, свертывается в энергетический кокон* для себя и своего окружения, способствующего реализации ее репродуктивной функции. Эту самозамыкающуюся функционально-родовую активность можно назвать *заботой*. Забота направлена *внутрь* круга — собственно себя и своего значимого окружения. Однако главное отличие мужской активности от женской состоит не в разных ориентациях (вовне — внутрь), которые, конечно, достаточно условны. Мужская активность воплощения — активность сдвига, отклонения, возмущения. Женская активность воспроизведения

другого-в-себе (забота) — активность баланса, сохранения гомеостаза и, следовательно, базовых условий репродукции, *контроля* над ситуацией.

Забота, имеющая корневой основой воспроизведение другого-в-себе, и определяет герметизм женского мирочувствования. Это означает общее приятие, согласие с жизненными правилами и основами устройства социума и вселенной. Женская активность направлена на обеспечение устойчивости и самодостаточности ближайшей зоны своего существования: всегда иметь условия и гарантии репродукции.

Идеализм как атрибутивное свойство человеческого разума улучшать, “подправлять”, а то и переформировывать в воображении образ реальности (чтобы ее, реальность, легче было переносить, чтобы оставалась надежда на лучшее, чтобы сам человек воспринимал себя значительнее, умнее, удачливее, чем есть на самом деле) у мужчины не столь специфичен, нежели у женщины. Мужской идеализм в целом более радикален в плане отрыва от повседневности — потребность воплощения своей задачей имеет воздействие, преобразование части реальности. И если реальность не поддается изменению сама по себе, то остается преобразовать ее образ в сознании — и уже дальше изменять ее в таком идеалистически-трансформированном состоянии. Экстремализованный идеализм — трансцендирование — означает вообще попытки выйти за рамки естественного строя вещей. Рефлексии-дубли подобных попыток создают миры Брахмана, Дао, Бога, Единого, абсолютной идеи.

Женский идеализм не выходит за рамки окружающей действительности. Мышление женщины прочно укоренено в своем окружении. Его мало трогают радикальные фантазии и далекие миры, но живейшим образом волнуют старые, как мир, бесконечные версии Золушки и принца, Ромео и Джульетты и пр. Известная женская страсть к мыльным операм и сериалам демонстрирует особенности их идеализма: “спрямлять”, “подправлять” действительность, принимая ее основы как безусловную данность. Действительность лишь соответствующим образом ретушируется: в пользу “своих” и в ущерб “чужих”.

Итак, мы видим существенные различия в характере жизненной активности обеих полов в зависимости от их роли в родовой репродукции и соответствующие различия их мирочувствований. Столь разные по конституции сознания не могут не испытывать проблем взаимного восприятия и понимания. Необходимо сильнейшее органическое притяжение, дабы преодолеть такой разлом между полами. И половой инстинкт неумолимо влечет две столь разные половины рода к соединению.

Наиболее беспокойная и динамичная половина приковывается цепями безудержного сексуального влечения. Влечения, затмевающего мужской рассудок, заставляющего пре-

Эдвин Лонг.
Вавилонский
брачный рынок.
1875

вращаться в раба, преисполненного страстью обладания. Причем речь не идет об элементарной похоти. Лейтмотив совокупления — лишь наиболее мощный аккорд в симфонии мужских чувств, что рождаются трансцендирующей способностью мужского мышления. Именно она придает трепетность чувственным переживаниям, романтизирует объект вожделений, наделяет его возвышенными и неповторимыми чертами. Рано или поздно любой мужчина пускается в “ритуальные пляски” романтического увлечения одной из женщин, хотя при этом остатками холодного рассудка понимает абсурдность своей страсти. Чтобы ни говорил мужчина, но главное, что привлекает его в женщине, — это красивое лицо и тело. На втором месте стоит способность женщины любить и заботиться о нем, искренне ценить его самобытность и яркость, успехи. Нежная душа, покладистый и ровный характер, способности создавать домашний уют и т.д. — качества приветствуемые, но не приоритетные.

Красота и сексапильность женщины — словно огонь в ночи, притягивающий (во многих случаях себе на погибель) ночных мотыльков. Это зов к совокуплению, завлекающий мужчину, как волшебная дудочка, — повинувшись ей, последний внезапно лишается воли и готов идти куда угодно. В присутствии красивой и сексапильной женщины у мужчины не может не возникнуть физическое влечение, которое он способен скрывать с разной степенью успешности, но которое изменяет его поведение, что заметно только тренированному наблюдателю. Каким бы пуританином ни был мужчина, какой бы ни обладал выдержкой, но глубины своего естества он изменить не в силах. Женщина, чья красота и чувственное обая-

«ТАЙНА СИЯ
ВЕЛИКА...»

Страница брошюры
«Революция
и молодежь»,
выпущенной
в России в 1924
году. Иллюстрация
с сайта: URL:
[http://soviet-
life.livejournal/
2157260.html](http://soviet-life.livejournal/2157260.html)

ДВЕНАДЦАТЬ ПОЛОВЫХ ЗАПОВЕДЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Брошюра «Революция и молодежь», изд-во Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924 год

1. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата.
2. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (20—25 лет).
3. Половая связь — лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви.
4. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих.
5. Половой акт не должен часто повторяться.
6. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия.
7. Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж).
8. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка — вообще помнить о потомстве.
9. Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно - пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально - полового завоевания.
10. Не должно быть ревности.
11. Не должно быть половых извращений.
12. Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов; половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая.

ние соответствуют природному эстетическому вкусу мужчины (походка, манера держаться, значимые черты внешности), шоково влечет к себе. И конечно, влечет не просто абстрактно красивая плоть, а плоть, соразмерная внутреннему чутью мужчины. Затем, разумеется, вступает в действие второй важнейший момент, уже скорее стабилизирующий — импонирует ли мужчина своей избраннице взаимообразно настолько, чтобы та смогла бы воспринимать его как самобытность. Ведь это, по сути, для мужчины главное женское достоинство, которое невозможно подделать. Без данной способности, соответствующей понятию “женская любовь”, красивая женщина просто останется красивой куклой, нужной мужчине лишь для чувственных утех. Себялюбие, обнаружившее резонанс в душе другого, самогасится: уже не надо никому ничего доказывать — ты оценен и увековечен в любви любимой, остается сохранять и поддерживать сей священный духовный огонь.

Другую половину притягивает нечто иное. Сексуальные аппетиты большинства женщин, в отличие от мужских, более умеренны, возникают позже и стоят на втором плане их чувственности. Женщина не чурается секса, однако тот имеет для нее несколько иное значение, нежели для мужчины. Первоначально на первом плане здесь обнаруживается не собственно чувственное наслаждение, а наслаждение от вида наслаждения ею любимого. Женщина желает любви как возможности доверчивой заботы: вверяя себя любимому, стремится взять его в плен сетей нежности, а по сути — установить контроль над совместным существованием. Влечет же

женщину к своему alter ego исконно-родовая интенция на воспроизведение себя-в-себе, где мужчина — средство либо (в лучшем случае) прообраз подлинного и по-настоящему единственного, ее ребенка. Конечно, ответ глубинной любви к детям ложится и на мужчину, дающему семья и пропитание, но то уже ослабленный и умиротворенный ответ самородного и безусловного.

Какие качества влекут женщину к мужчине, помимо скрыто-глубинного зова материнства? Если для мужчины женственность женщины — в ее красоте и чувственном обаянии (причем часто второе с лихвой компенсирует слабо выраженное первое), то мужественность (мужество) — основное мужское качество, притягивающее женщину. Это квинтэссенция мужской манеры бытия: решительность и страстность в делах, стремление к приоритету, успеху, ярко выраженное самосознание (знание себя, самоуверенность), следование долгу либо служение идеалу, рациональность и уравновешенность. Огонь мужественности в ночи одиночества влечет к себе бабочек так же, как и мотыльков красота и сексапильность: безответной женской любви столь же много, сколь и мужской. Таким образом, амбивалентность антропологического существования в равной степени порождает любовь и вражду, непонимание, неприязнь и стремление к слиянию. Общность создается через конфликты и взаимную притирку.

Начало возгорания чувственности между людьми — интереснейший и сложнейший антропологический феномен. Любой человек, испытавший подобное состояние, согласится с тем, что переживания, сопровождающие первое столкновение (лучшего слова не подберешь) с роковым для него объектом, принадлежат к самым лучшим, остро-сладостным мгновениям жизни. Собственно, сама их возможность и случаемость каждому возмещает тьму боли, страданий и серости повседневного существования. Если и есть волшебство в рациональной упорядоченности мироздания, то оно происходит с нами в момент *запечатлевания*. Без него невозможна настоящая, серьезная чувственность (любовь), страсть между людьми. Запечатлевание — это не только метафора, но и попытка концептуализации классического человеческого явления, свойственного всем временам и народам.

Невозможно отрицать неотъемлемой романтизации, придаваемой моменту запечатлевания хором сладкоголосых соловьев человечества: “чудное мгновение”, “сражен стрелой Амура”, “остолбенел”, “запал в душу”, “поражен в сердце”, “искра меж нами” и т.п. Обширна и гамма состояний-чувств, сопровождающих запечатлевание: радостное изумление, неожиданное ослабление, временная поведенческая дезориентация, жадное визуальное впитывание-запоминание черточек “захватившего” вас лица, тела, походки... Тут же возникает устойчивое, непреодолимое влечение к этому вот человеку, потребность быть

с ним, так как душа наполняется радостью ласкания его взором, звук его голоса умиляет и делает вас размягченными и нежными. И здесь же, “рядом” — дремлющая страсть, что притаилась в предвкушении пронзительной плотской сладости и огненно ноет в чреслах.

Какова природа феномена запечатлевания? Вероятно, это не только собственно человеческое явление. Высокая брачно-эротическая избирательность есть и среди животных, птиц. Более того, запечатлевание связано не только с размножением, но и вообще со спецификацией жизненно значимых объектов. Хорошо известны опыты с “подсадными матерями” у некоторых птиц, когда объект, находящийся рядом с только что вылупившимися из яиц птенцами, запечатлевался новорожденными как “мама”.

Без фиксации невозможно и установление сколь-нибудь крепкой чувственной связи между людьми. Такой, которая стирала бы рассудок, разум, социальные условности, пускала в чреватые детьми связи. Через запечатлевание природа, как и ранее до человека, *связывает, пометает*, бросает в объятия друг друга производящие пары. В рассудочных половых связях люди осторожны и расчетливы, удовлетворяют свой инстинкт аккуратно, без нежелательных последствий. Запечатлевание лишает человека присущего ему разума, превращает в брачующееся животное, охваченное ненасытной жаждой продолжения рода. Грандиозность силы запечатлевания заключается в фокусировании полового интереса, потенциально адресованного всем, пригодным к спариванию, на одном объекте.

Запечатлевание — *явление сознания* в широком смысле этого слова, но с элиминированием интеллекта. Согласно этимологии термина, это прежде всего *визуальная интервенция* поражающего нас облика на фоне бурной встречной заинтересованной активизации психики. Как только несколько разряжается эмоциональное напряжение от шока запечатлевания, к людям возвращаются присущие им рациональность и практическая интуиция. Хотя они и остаются в состоянии теснейшей обоюдной заинтересованности, “впаянные” в нее запечатлеванием, но уже стремятся гарантированно заполучить своего партнера в совместное существование — начинается *отлов*.

Нет нужды описывать неисчерпаемые арсеналы средств у полов в состязании отлова. Укажем лишь на базовую форму состязательности — *ревность*. Последняя имеет две модификации: инертную — деланное выказывание равнодушия к партнеру — и активную, опосредованную вовлечением других в дела двоих — собственно ревность. Демонстрация равнодушия, показная холодность есть первый знак недовольства, адресованный любимому (любимой). Этот первый укол, как правило, достигает цели, заставляя встрепенуться, акти-

визироваться, задуматься над внесением разнообразия в ухаживания. Но недостаток данного оружия чувственности — в кратковременности его действия. Если длительное время один из влюбленных “дуется”, сохраняя в целом лояльность к партнеру, то последний вскоре начнет воспринимать его как никому не нужного “ломаку” и вполне возможно действительное охлаждение. Подобная форма ревнования грешит инерцией замыкания внутри круга чувственности. Она ограничена, так как не задействован главный ресурс чувственности — ее собственнические установки. К чему самосовершенствоваться, улучшать и разнообразить содержание любви, коль скоро милый друг и так никуда не денется? И вообще, кому он еще нужен кроме меня?

Фото с сайта: URL: <http://scientific-russia.ru/articles/formula-lyubvi-po-charlzu-darvinu>

Настоящее состязание начинается, лишь когда под вопрос ставится “нежная собственность”, а отношения двоих теряют былую прозрачность, подергиваясь дымкой неопределенности, на фоне которой скользят фантомы “других”. Ревность есть борьба за права на другого как “нежную собственность”. Обычно под ревностью понимается агрессивно-возбужденное состояние неудовольствия, обиды, сомнений, вызванное неадекватным, с нашей точки зрения, поведением любимого человека, который оказывает неподобающие знаки внимания посторонним.

Ревность, если она имеет место в отношениях людей, у которых сохранилась взаимная чувственность, всегда обладает сложной структурой. Двое любящих, связанных исходным для их обоюдной чувственности запечатлеванием, — базовая “единица” ревности (разумеется, до тех пор пока сохранна безусловность объединяющего двоих запечатлевания). А ее “переменные” — другие люди, используемые любящими в качестве “разменной монеты” торга-состязания между ними. Случаются, впрочем, и контрзапечатлевания (любвные треугольники), когда игра с ревностью переходит в новую чувственность.

Сама ревность также необозрима: ревнуют не только к соседу или знакомому, но и к литературным персонажам, политикам, киногероям или эстрадным идолам. Ревность на стадии отлова разнится от ревности в последующих, устоявшихся отношениях. Главное отличие первой — в большей жестокости

Дьори Ломюллер.
Любовь. 1962

и соответственно большей терпимости, что определяет ее (ревности) чрезвычайную эффективность в спрямлении извилистых душевных троп чувственности к полному слиянию сердец. Ревность, как безжалостный скальпель “хирурга чувственности”, удаляет препоны гордыни, заставляя похухнуть и себялюбие мужчины, и женский настрой на контроль.

Задача ревности — сделать душевно больно для инициации нового возжигания страсти. Это *смешение мести и провокации, проблематизация чувств уверенности и обладания*, внесение переменной сомнения в формулу чувственности. Самоуверенность опасна, ибо она гасит беспокойство, живость и, главное, переживание чувственности во времени. Если человек вводит свою

чувственность в константное поле повседневности, то она функционализируется, превращается в предмет обихода. Если не нависла угроза потери, если отсутствует философское понимание преходящести всего и вся, то нет и попыток воссоздать все заново. И здесь ревность выступает стихийным костром, в котором по-иному переплавляются чувства — в новый слиток. Правда, костер ревности может и испепелить душу дотла, выжечь всю имеющуюся там любовь, если его не регулировать, не добавлять в него по мере необходимости тушащие средства нежности, покорности, раскаяния и объяснений.

Динамика отлова, или борьбы за монополизацию и контроль в чувственном тандеме непредсказуема и бесконечна по числу вариаций. Однако дело завершается либо установлением доминанты одного из партнеров, либо неустойчивым паритетом в распределении сфер влияния. Так или иначе, отлов завершен, понимание обоюдной нуждаемости налицо: звучат свадебные трубы, звонят брачные колокола. И чувственность вступает в свою третью, наиболее сложную (поскольку она самая продолжительная и непредсказуемая) фазу — *приручение*. Это лишь в сказках все заканчивается свадебным пиром, а в жизни все только начинается.

Уже само осуществление брака означает победу женского начала в чувственности, начало стабилизации, заботы и контроля. Отлов в большинстве случаев завершается тем, что мужчину убеждают в безусловной необходимости и полезно-

сти брака. Этому способствуют: продолжающееся действие запечатлевания вкупе с трансцендирующими иллюзиями самого мужчины; перспектива стабильного устройства жизни с психологически надежным партнером и гарантия регулярности совокуплений, столь физиологически значимая для мужчины брачного возраста (20–40 лет); неясные чадолобные устремления.

Брак — территория женщины, к ведению “военных действий” на которой она подготовлена естественным образом, складом своего мышления и психики. Мужчина на этой, не своей, не органичной ему по природе территории вначале мечется, как испуганный зверек, лихорадочно пробуя самозащитные варианты поведения, но постепенно усмиряется, привыкает, обкладывается методичными рубежами женской заботы. Цель приручения — *одомашнивание*, превращение самовольного, полигамного существа в существо моногамное, уже понимающее свободу в Спинозовском духе (познанная необходимость — семейная).

Технологии одомашнивания основаны на общности базовых женских качеств — работы (контроля) и практической интуиции. Первая — наступательное начало, которому мужчина не способен противопоставить что-либо действенное. Она нацелена на проникновение во все поры семейного тела и вполне есте-

Михаил Хохлачев.
Качели любви. 1966

Сальвадор Дали.
Адам и Ева. 1974

ственно оборачивается контролем, вызывающим у мужчины крайне болезненную реакцию. Если у женщины отсутствует или слабо выражено другое базовое качество — практическая интуиция, то давление заботы-контроля вызывает прямой бунт и радикальный обрыв брака.

Рубежи заботы — стабильность, долг, дети. Одновременно это и главные удерживающие мотивы для мужчины. Чувственность — чувственностью, но очевиден тот факт, что брак создает несколько иную, можно даже сказать “параллельную” реальность — эмоционально-повседневную реальность семьи, со своей структурой и нормами, а также другими людьми (дети, родственники). Это уже не только “дело двоих” (в чем, кстати, заключаются внутренняя антропологическая несправедливость и обман брака: вы-

бираешь одного человека, а в довесок получаешь еще и “других”, которые начинают совместно обживать твою реальность).

Однако семья не только берет, но и дает — спокойствие, основательность, укоренение, уверенность. Названные качества созвучны мужской душе, прошедшей романтический период “бури и натиска” юности, проектов преобразования и реформ зрелого возраста. Потому данный рубеж заботы, стабильность — лейтмотив женского мироощущения, в ходе одомашнивания (остепенения) принимается и мужчиной.

Рубеж долга объективно создаваем опять-таки особенностями антропологии. Половая жизнь, в силу своих физиологических особенностей, создает устойчивое впечатление “сексуальной эксплуатации” женщины мужчиной — это одно основание “долга”. К нему добавляется и другое: большинство женщин находит своих спутников жизни в брачующемся возрасте (16–30 лет), когда расцветает привлекательность и свежо обаяние — наиболее ходкий “товар” на брачном рынке. Эти товарные качества, естественно, теряют первозданный вид в ходе “сексуальной эксплуатации”, испытаний семейной жизнью и детьми. Так возникает еще одно основание “долга”: “я тебе жизнь отдала, молодость загубила и пр.” Большинство же мужчин — существа долга. Потому данный рубеж заботы совпадает с мужским умунастроением.

Дети — особый рубеж заботы, бесспорно наиболее основательный. Конечно, у мужчины — не столь безусловное отношение к детям, как у женщины. Это объяснимо все теми же особенностями устройства человеческого рода. Воспроизведение другого-в-себе как себя — имманентная женская цель, как и воплощение себя у мужчины. Потому и естественна безусловность женской любви к своим детям. Голос крови есть и у мужчины, который, однако, всегда рационален и требует очевидной удостоверяемости (ребенок бесспорно должен иметь отцовские черты). Другим условием любви мужчины к детям является соответствие его мироощущению: “когда скоро это мой ребенок, он должен следовать моим указаниям, быть послушным воле родителя”.

Приручение завершает цикл чувственности, превращая ее в биологическое “производство” человеческого рода. Данный процесс антропологически объективен и необходим, женщина есть лишь его главный агент. Чувственность между полами для людей столь значима в силу того, что к этому их понуждают их же тела с генетически заложенными необоримыми стремлениями к совокуплению и продолжению рода. Сила стремлений столь велика, что сцепляет в одну плоть существа, весьма отличные друг от друга. И она же затушевывает осознание существенности этих отличий, порождая культурную практику их игнорирования, метафизического нивелирования людского рода.

Именно здесь обнаруживается корень проблем непонимания в чувственности: человек воспитывается и социализируется в рамках нивелирующей культурной парадигмы, он принципиально не готов принять другого человека как представителя иного пола с иной манерой бытия. Парадоксально, но тут житейская мудрость, ориентирующаяся на *сочувствие*, *жаление* между мужчиной и женщиной, дает более верное знание о ситуации чувственности, нежели современная теоретико-идеологическая практика.

НОВЫЕ КНИГИ

Алексеев А.И. Иосиф Волоцкий. М.: Мол. гвардия, 2014. 335 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2014. 560 с.

Донцов А.И. Феномен зависти: Homo invidens. М.: Эксмо, 2014. 512 с.

Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014. 493 с.

Зверева Н. Правила делового общения: 33 “нельзя” и 33 “можно”. М.: Альпина паблишер, 2014. 138 с.